

Газета 2004-23 января 2016

“никакой вы не режиссер, просто подонок и уголовник на строгом режиме”

к 80-летию выдающегося кинорежиссера.
воспоминания зека Сергея Параджанова

По календарю юбилей Сергея Параджанова — 9 января, но в Москве его решили отмечать в последние дни марта в Центральном доме Российской армии: сегодня там стартует «параджановская неделя».

В Ереване подобные мероприятия пройдут в мае, в Киеве они уже позади. Впрочем, весь 2004 год объявлен ЮНЕСКО «Годом Сергея Параджанова». Сегодня Газета печатает фрагменты магнитофонной записи, сделанной Гагиком Карапетяном за два года до кончины Параджанова, — рассказ режиссера о годах, проведенных им на зоне.

«...Зеки выговорить «режиссер» не могли, поэтому называли меня «композитор». Они пели мне песню «Вор никогда не станет прачкой». В смысле того, что, если я — режиссер или композитор, никогда не стал бы прачкой (если я не аферист, который скрывает основную профессию). Удивительный человек вызвал меня, фамилия его Филиппович, это было в Винницкой об-

ласти. Он сказал: «Я скажу фамилию, а вы вспомните его имя и отчество. Или наоборот... Кстати, считаю вас аферистом: никакой вы не режиссер, просто подонок и уголовник на строгом режиме. У вас не первая судимость, может, и шестая, есть предположение...»

“никакой вы не режиссер, просто подонок и уголовник на строгом режиме”

воспоминания «зэка» Сергея Параджанова

01 СТР

Лагерный врач упал на колени: «Вы действительно Параджанов. Я вас очень прошу — откажитесь от уколов. Что бы вам ни предложили — укрепить сердце, о чем есть решение на зоне, делать вам уколы АТФ, — не делайте их! Вам будут вводить гипс». Я говорю: «А что он дает?» — «Тромб». Спустя пару лет я сделал ему подарок — прислал пуд лучшего чая Грузии».

«...Он был молчаливый, сдержанный и благородный. Но трагедию испытывал колоссальную: к нему никто не ходил на зону. Он отказывался от свиданий, бандеролей... У него были три дочери. Одна трудилась сельской библиотечкой, другая — завуч школы, третья работала на овощном поле. Он — председатель колхоза. Старшие дочери были счастливы — отец строил дом. А они с мужьями торопили его. И он, не оформляя документы, брал доски в надежде, что когда-нибудь оплатит за них. И отец построил дом для дочерей. Туда вселились дети «Короля Лира». Он — «король» колхоза, сияющий на районных стендах, и дочери, включая младшую — Корделию, незамужнюю, красивую. Однако уголовный кодекс коснулся председателя колхоза. Он предстал перед судом

как расхититель социалистического имущества. Дочери обвиняли отца: «Да, он украл доски, гвозди, шифер, стекло...» И только младшая уехала в деревню, взяв на себя миссию — содержать отца в тюрьме. Он отсидел свой срок и хотел вернуться в деревню, где родился, жил. Корделия не пустила его. Она привела его в общежитие, где отменила ему юбилей — шестидесятилетие, где сама вышла замуж, где он нянчил ее ребенка. Старшие сестры писали отцу, что он должен обязательно вернуться. Если он не понял, что у них не было другой возможности, как обвинить его в воровстве... Десять лет он проработал комендантом общежития, пропуская любимых девушек к парням и юношей к любимым девушкам».

«...На зоне было два бассейна. В один ночью привозили мешки, которые Винницкий сахарный завод заполнял песком. Мешки все были дырявые. Люди ждали, когда им дадут по сто мешков, они дрались за них, перехватывали, воровали друг у друга, чтобы залатать мешки. Контролер их принимал, просматривая каждый на просвет... Мои мешки вызывали смех: я не мог починить больше двадцати. Каждая моя латка — смешная мордочка, солнце или квадрат, переходящий в круг, или круг, пе-

реходящий в прямоугольник, нашитый какими-то живописными ритмами... Это были гномики, буратино. Зэки трусили мешки. Их надо было освободить от сахара. Они потом его ссыпали, промывали, кипятили, и у них получался сироп. Но труся, они белели: пудра летала в бассейне, опускалась на людей — они были как присыпанные куличи... Затем свистел контролер: «Идет вода!» А белые мухи жрали сахар, но не могли взлетать. По спинам трусящих тек пот. Он, как реки, пробивался по их спинам, мимо мышц... Мухи садились на людей, потом все всплывали. Вода подымалась — одни головы сахарные торчали. Люди смывали с себя сахар, окунали головы и исчезали. Потом они топтали мешки. Появлялась мутная сладкая вода — патока, перемешанная сдохлыми мухами, которые сразу чернели. Они создавали удивительную, космическую Одиссею голых мужчин, белых мешков сахара, растворенного в черной воде. Я не знал, куда мне деться. Я подымался по лестнице наверх. Там заливали гидронорм крышу. Заблестев, она стала похожа на крышку рояля. На нем стаями сидели белые мухи, приклеенные к смертельному для них гидрону... Затем черная лакированная крышка рояля должна была открыться и издать удивительные звуки...»

дата

Сергей Параджанов
(конец 1980-х)
Фотограф: Игорь Гневашев